

Лекция № 5 по курсу:
«Зарубежная литература Средних веков и эпохи Возрождения»
(преподаватель М.Д. Данчинова)

Данте Алигьери (1265-1321). «Божественная комедия» как эпос рубежа веков. Возрождение.

Он и после смерти не вернулся в старую Флоренцию сою

Этот уходя не оглянулся.

Этому я песнь пою.

Факел, ночь, последнее объятье

За порогом дикий вопль судьбы.

Он из ада ей послал проклятье

И в раю ее не мог забыть, -

Но босой. В рубахе покаянной

Со свечой, зажженной не прошел.

По своей Флоренции желанной.

Вероломной, низкой, долгожданной...

Анна Ахматова

Это строки о Данте Алигьери, человек, поэте, в котором сконцентрировалась сущность человеческого сознания времен средневековья – освободившаяся мысль человека от какого-либо идеологического давления, поэте, в чьих строках нашла свою ясность и чистоту поэзия средневековья. Именно он нем высказался Ф.Энгельс следующими словами: «... итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени». Творческий путь Данте начинался с приверженности к так называемому «новому сладостному

стилю», следы которого ощутимы в его автобиографической повести «Новая жизнь» (1292), где стихи сопровождались психологически достоверным прозаическим комментарием.

Поэтическая книга любви «Новая жизнь» явилась преддверием к величественной готической громаде – «Божественной комедии». «Новая жизнь» создавалась на протяжении десятилетия как дневник, в котором велись записи о волнениях любви, с момента ее возникновения при встрече с Беатриче в 1283 году и до ее смерти в 1290 г. как исповедь души человека перед богоподобным человеком. Молитвенный экстаз Данте адресует не потусторонней силе, а земной женщине – олицетворению красоты, добродетели, святости; перед ней, как перед божеством, преклоняет он колена и вверяет ей все помыслы. Таким образом, внешняя, вычурная куртуазность «нового сладостного стиля» углублялась искренней простотой чувства. Чувственная любовь замещает у Данте рационалистическую веру и обретает черты высокой духовности, которые раньше были исключительной областью религии: «Я говорю, что когда она появлялась с какой-нибудь стороны, то одна надежда на дивный ее поклон не оставляла никакого во мне зла, но меня охватывало пламя милосердия, которое заставляло меня прощать всякому обидевшему меня. И ежели бы попросил меня кто-нибудь о какой-либо вещи, ответом моим было бы лишь: «Любовь» - с лицом, исполненным смирения».

«Новая жизнь» – печальная поэтическая сюита разных человеческих настроений, несущих на себе печать таинственности, загадочности:

Вечер верхом влачась одной тропой.

**И тягостью пути томясь в тревоге,
Я повстречал Любовь на полдороге.
И странника на ней был плащ простой.**

**Как у того, кто сведался с нуждой,
Казалось мне, был вид ее убогий:
Вздыхая шла, и не спешили ноги.
И перед встречным никла головой.**

**Меня узрев, сказала: «Покидаю
Я навсегда далекие края,
Где службу сердца нес ты столь примерно.**

**Теперь другой послужишь благоверно...».
И этим словом так смутился я,
Что как она исчезла, - я не знаю.**

Своему другу поэт признался: «Я сделал шаг в ту часть жизни. где нельзя идти далее, ежели хочешь возврата». Данте пошел еще дальше – по высотам философского познания человека.

Феодальные смуты, в которых поэт принял участие на стороне противников папы римского, - за что был заочно осужден к сожжению и конфискации имущества, - оторвали его от родины. Дело в том, что род Алигьери принадлежал к сторонникам папы римского – партии гвельфов. Им противостояла партия гибеллинов – провозглашали власть императора (иноземного происхождения) священной римской империи. Идея была замечательная – гибеллины выдвигали идею единого мирового господства. Но и партия гвельфов

изначально ратуя за папу - а в лице его национальное единство, тем самым выдвигала эту же идею. 90-е годы для Данте – годы высокой политики. Данте выдвигается в приоры Флоренции, ведая финансовыми делами Флорентийской республики. Кстати, не без содействия Данте во Флоренции была принята в эти годы республиканская конституция – первая в средневековой Европе. Но вскоре внутри партии происходит раскол. Появляются сторонники черных гвельфов (все больше подчеркивали власть папы) и белых гвельфов. Данте оказывается между ними. В разное время симпатизирует и работает то на одних, то на других. Но вскоре видит, что по существу ни той оппозиции, ни другой нет дела до самого народа. Это уводит поэта от открытой горячей политической борьбы. Отныне его деятельность, ум сосредотачиваются в литературе, в поэзии, в «Божественной поэзии», которую начав в любимой Флоренции, заканчивает в изгнании в Равенне.

Первое печатное издание «Божественной комедии» увидело свет в 1502 году. По форме поэма напоминала популярный в средние века жанр «видения», а ее аллегорический смысл заставлял видеть здесь эпос о спасении человечества и его пути к счастью. Жанр видения позволял представить картину загробной жизни человека. При этом не случайно Данте выбирает именно жанр комедии и задумывает символическое ее построение. Сам себя поэт не случайно в части «Рай» называет геометром:

Как геометр, напрягший вес старанья,
Чтоб измерить круг, схватить умом
Искомого не может основанья.
Таков был я при новом диве том...

Сравнение себя с геометром отсылает к античным математикам-философам – Зенону или Евклиду, Платону, другим философам, которые старались с большой точностью рассчитать пространственно-временной континуум человека, его место в нем и будущее человека. Тем самым Данте, называя себя геометром, также старается уяснить закономерный ход истории человечества на примере родной Флоренции, а также предвидеть дальнейшие пути развития всего человеческого мира.

Также можно назвать Данте поэтическим архитектором. Так как взяв за основу жанр комедии, поэт раздвинул рамки данного жанра. Комедия была самым доступным жанром в литературе средневековья. Значит, Данте была необходима именно эта демократичность, во-первых. Во-вторых, в рамках комедии Данте «уравнивал» владык мира – от известных имен пап римских до реально существовавших королей, князей, феодалов и т.д. до имени простого человека. В «Комедии...» были представлены все слои социума. Поэтому необходим был именно этот жанр. Трагедия являлась жанром «высокого стиля», а комедия относилась к низкому жанру с соответствующим стилем. Кроме того, трагедия всегда означала возвышенный, но трагический исход, тогда как комедия заканчивалась всегда прекрасно, счастливо. Более того, поэт создавал свои произведения именно на итальянском языке, а не на латинском языке, тем самым продолжая развивать традиции провансальских поэтов в национальной поэзии и отстаивая именно народный язык. Данте нужен был тот жанр, который бы раскрывал безграничную панораму жизни: со всеми ее историческими, социальными и духовными

высотами и падениями – математическими кривыми. Такое позволял только жанр комедии.

Внутренняя композиция «Комедии...» берет свое начало от основ средневековой теологической философии: она пронизана идеей триединства. Вся «Комедия...» разделена на строгие три части: «Ад», «Чистилище», «Рай», в каждой части по 33 песне, кроме 1, входящей в «Ад» итого = 100 песен, написанные терцинами – трехстрочной строфой, в ней 2 рифмы разрываются посередине третьей, которая связывается с первой строкой следующей терцины. При этом каждая песнь заканчивается словом звезда. Так создается непрерывная поэтическая цепь. Песен в «Комедии...» 100 – это символ гармоничной Вселенной. Далее перед нами три проводника – Вергилий, Беатриче и Бернард Клервосский. В каждой части встречается с цифрой 9: это 9 кругов ада, 7 кругов чистилища и 2 уступа = 9, 9 небес рая. В центре Вселенной – земля (геоцентрическая модель мира), в центре земли – ось = нравственная, обозначена спуском в ад к фигуре Люцифера как центру зла, из основания ада постепенно подъемы переводят героев в Чистилище и затем в Рай – в полет. Перед читателем предстает строгая вертикальная заданность человеческой жизни времен средневековья: горизонтальная линия – линия судьбы человека, или он сам, должный в течение своей земной жизни только совершенствоваться, отказываясь от всего материального – прежде всего от земных наслаждений, удовлетворений своей физической плоти; всеми помыслами человек должен быть направлен – устремлен к имени бога, к постижениям божественного замысла – это вертикальная заданность земной жизни человека, которая является главной.

Первые строки произведения являются прекрасным образцом средневекового символического, аллегорического и иносказательного сознания человека, где каждое слово необходимо расшифровывать, сверяясь с самим средневековым временем и мышлением:

**Земную жизнь пройдя до половины
Я очутился в сумрачном лесу
Утратив правый путь во тьме долины.**

**Каков он был, о, как произнесу.
Тот дикий лес, дремучий и грозный.
Чей давний ужас в памяти несусу!**

**Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но благо в нем обретши навсегда.
Скажу про все, что видел в этой чаше.**

**Не помню сам, как я вошел туда.
Настолько сон меня окутал ложью,
Когда я сбился с верного следа...**

Каждое слово нужно понимать в соответствии с сознанием средневекового человека. «Земную жизнь пройдя до половины» - означает достижения человеком 35-летнего возраста. Данте не мог выдумать данный возраст «серединного пути человека». Как человек своего времени он знал Библию, псалом 89, где указано: «Дней наших – семьдесят лет, а при большой крепости – 80 лет», также известны Данте были слова пророка Исайи: «Я сказал себе: в преполовлении дней моих должен я идти во врата

преисподней». Последователи философии Аристотеля в средневековье также считали серединой человеческой жизни возраст 35 лет. Поэтому в своем сочинении «Пир» Данте писал, устанавливая точку пересечения «восходящей» и «нисходящей» линий человеческой жизни в пределах 35-летнего возраста. Далее строка: «Я очутился в сумрачном лесу», - конечно, не указывает на настоящий лес, а характеризует состояние самого Данте – раздумья поэта над смыслом жизни, поиск им новых ориентиров в жизни; шире - человека данного времени – что делать обыкновенному человеку в сумятице политических, социальных и нравственных изменений, а также это «сумрачный лес» самой Италии, оказавшейся в итоге своих исторических изменений на пороге кризиса, что выражается следующей строкой: «Утратив правый путь во тьме долины». И каждое слово в данном примере обнажает страшные трагические стороны реальной жизни с бездной человеческих пороков, грехов «дикий лес, дремучий и грозный», «Так горек он...». Для Данте сам лес не так страшен, как страшно то, что человек сам выбрал этот путь: «Не помню сам, как я вошел туда, // Настолько сон меня окутал ложью». Мало того, что человек обманывается, трагично то, что он сам обманывает себя. Этот грех тяжелее и требует большего искупления. Оттого сердце героя Данте наполняется «ужасом и дрожью» при виде тех злодеяний, которые сотворены самим человеком. Земля, «Измученная ночью безысходной», море «пучина пенная, где волны бьют, страша» - средневековые символы человеческой жизни, полной тягот, непреодолимых препятствий, страданий и забот. При этом четко выявляется линейная заданность такой жизни – «путь, Всех уводящий к смерти предреченной». Однако потеряться человеку в

жизненном аде не позволит вера: «Я вверх пошел, и мне была опора // В стопе, давившей на земную грудь». Но путь к вере – путь кремнистый, требующий внутренних духовных усилий от человека. Тогда как в реальной жизни человек ежесекундно подвергается искушениям. В произведении не случайно перед героем предстают три зверя. В облике животных переплетаются религиозная символика, социальная и политическая аллегории. Так в книге Иеремии говорится о том, что трудно найти на улицах Иерусалима человека, ищущего правду, так как сильные и богатые отступили от правды. За это людей «поразит лев, волк опустошит их, барс будет подстерегать у городов». В поэтических размышлениях Данте эти животные символизируют следующее: рысь (пантера) – это ложь, предательство, сладострастие; лев – гордость, насилие; волчица – алчность и себялюбие («Пир»). В социальной и политической аллегории рысь обозначает флорентийскую республику и другие итальянские города-государства, лев – правителей-тиранов, волчица – церковь, институт папства. Сложность самой жизни и сложности, создаваемые человеком, могут сломить дух человека «И я утратил чаянье высот».

Чтобы освободиться от пороков, человечество должно узнать бездну греха, познать меру очистительной чаши, меру искупления, чтобы насладиться чашей блаженства, не теряя человеческой сущности. Данте указывает этот путь, ввергая своего героя и нас, читателей, вслед за Вергилием в преисподнюю страшного ада:

Иди за мной, и вечные селенья

Из этих мест тебя я приведу.

И ты услышишь вопли исступленья

И древних духов, бедствующих там...

Здесь в данных строках проступает средневековое восприятие человеком своей судьбы: с момента рождения до момента смерти. Это четкая линейная направленность человеческой жизни, основанная на христианском воззрении: вечная жизнь есть для человека после его смерти, если он не грешник; грешника же ожидают вечные мучения в царстве теней. Но Данте не был бы Данте, если бы ограничился в своей «Комедии...» только христианской философией. Данте намного шире обозначенных рамок. В данном случае перед нами и историческая реальность: действительная жизнь современников поэта, погрязших в грехе. И если древние города Содом и Гоморру сжег гнев бога, то во времена Данте. Вершить суд над человеком должен был сам человек. И в этом была сложность времени.

Не случайно перед Данте-героем появляется Вергилий. В «Комедии...» римский поэт олицетворяет собой несколько ипостасей. Его слова: «Ты должен выбрать новую дорогу... И к дикому не возвращаться логу...», - характеризуют Италию Данте. Три зверя – обличие зла, идущего от самого же человека, человека, наделенного властью (флорентийская республика, тиран-правитель, и духовная власть - священнослужители). Появление именно Вергилия обозначает для Данте-поэта сосредоточение трех исторических, политических и социальных начал: как человек своего времени Вергилий – человек времен римской империи (империя как образец государственной гармоничной устроенности), Вергилий как поэт римской империи является

истинным гражданином своего государства (вспомните: «Я лиру посвятил народу своему... И в наш жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»); Вергилий как человек – человек, достигший просвещенного разума, то что ищет Данте, чего у него пока нет «Я очутился в сумрачном лесу». Вергилий для Данте – сосредоточение человеческих достижений времен античности, выражение культа античности как времени, в котором человек жил, стремясь к совершенству.

Данте призывает римского поэта как светоча земного разума указать ему верный путь в достижении цели – познать истину. И в этом смысле ад вновь открывается иной своей стороной – в духе средневековой символики: ад – скопище ушедших в прошлое былых философских, нравственных идей, политических и любовных страстей. Вспомните в этом отношении Одиссея, Энея, Геракла, других античных героев, которые спускались в ад за тем, чтобы узнать, как им в жизни поступить, какую выбрать дорогу.

Третья песнь поэмы открывается знаменитыми словами, начертанными перед входом в ад:

Я увожу к отверженным селеньям.

Я увожу сквозь вековечный стон.

Я увожу к погибшим поколеньям.

Был правдою мой зодчий вдохновлен:

Я высшей силой, полнотой всезнанья

И первую любовью сотворен.

Древней меня лишь вечные созданья,

**И с вечностью пребуду наравне,
Входящие, оставьте упования...**

**Я прочитав над входом в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне»**

**Он, прозорливы, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.**

**Я, как сказал, привел тебя туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда...**

Три стиха первой терцины «Я увожу...» передают теоретическую сторону как античного, так и средневекового стихосложения. В художественном смысле эти слова символичны – первая граница, или порог, за которым человеку, вступившему на этот путь познания возврата нет. Самая настоящая дверь в преисподнюю - в без дну...

Вторая терцина практически поэтично пересказывает Библию. В строках священной книги говорится, что ад создан триединым божеством (вновь символика числа 3): высшей силой, полнотой всезнанья и первою любовью. Для Данте это не просто перечисление библейских строк. Ему нужно другое – заставить современного человека понять, что суд, творящийся в Аду – самый справедливый, неумолимый суд. Это наивысшая справедливость, где каждый получает именно по заслугам.

Другим последней преградой, границей, открывающей новый мир – ад, является река Ахерон и ее перевозчик Харон, который не собирался пускать на свой челн Данте-героя: «Ты не туда свой шаг направил: Челнок полегче должен ты найти...». Но у героя нет иного пути, чем двигаться вперед. Именно отсюда начинается путь постижения Данте-героем реальной стороны действительной человеческой жизни. Поэт спускается по девяти кругам ада, встречается и беседует со множеством теней умерших, что дает возможность затронуть бесчисленные вопросы действительности: политическое устройство, проблемы социума, единство итальянской нации, разделение светской и духовной власти, гражданское равнодушие, развращающая сила богатства божественный идеал. Данте-герой оказывается здесь посланником человечества в глубины истории, где каждая страница прошлого будет раскрывать те или иные стороны реальной действительности и предрешать в какой мере пути развития мира. В этой и других песнях необходимо обращать внимание на состояние героя: в самые страшные картины, открывающиеся герою, он будет впадать в сон, или на секунду-другую забываться беспомощностью: «И я упал, как тот, кто схвачен сном». Это равносильно пушкинскому: «Не дай мне бог сойти с ума...». С одной стороны, это наглядная картина бездонной греховности человека, страшнее которой уже ничего нет, с другой стороны, это хорошая художественная «уловка – страничка», чтобы вести читателя дальше, словно готовя к еще более страшной трагической картине. И в этом смысле Данте как поэт и художник самостоятелен: идя за Вергилием, открывающим ему глубины мира, Данте-поэт остается самими собой – именно он «вещает», то есть рассказывает, что ожидает

нас в аду, значит создает не Вергилий, а Данте. Римский поэт оказывается верным проводником. И только.

В песне четвертой герои спускаются в первый круг, где несут страдание грешники, не сотворившие как такового зла – «Толпы младенцев, и мужей, и жен...». И здесь открывается логика в построении дантового ада:

**...эти не грешили; не спасут
Одни заслуги, если нет крещения,
Которым к вере истинной идут;
Кто жил до христианского ученья...**

Дантов ад начинается с наименьшего греха – люди искупают свою вину даже за то, что родились до распространения христианства. И это тоже грех. С каждым новым кругом мы постигаем глубину человеческих грехов, фокусирование которых на действительность дает сумму знаний о мире. Исходит данная сумма знаний от основ античного устремления к познанию мира. Оттого в первом круге наряду с нехристианами заключены Данте знаменитые греки и римляне: это Гомер «превысший из певцов всех стран», Гораций «бичевавший нравы», Овидий, Лукиан, далее античные герои как Электра, Гектор, Эней», исторические лица Брут, Цезарь, Катон, философы Сократ, Платон, Демокрит, Диоген, Фалес и Анаксагор, Зенон и Эмпедокл и другие. Данте далек здесь от простого перечисления. Имена великих людей нужны поэту как факт накопления человечеством познаний о мире и как доказательство непрерывного человеческого роста к истине: потому что вместе с именами известных древних людей Данте

называет имена средневековых ученых, тем самым доказывая факт непрерывности.

В «Комедии...» как автор не просто создает картину происходящего действия, Данте представляет читателю движущуюся картину своего видения. Это ощущаем в каждой строке, слове:

Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.
Кровь, между слез, с их лиц текла струями.
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами...

В описании ада преобладают глаголы настоящего времени как языковое доказательство по-настоящему происходящего действия:

Я в третьем круге, там, где дождь струится,
Проклятый, вечный, грузный, ледяной;
Всегда такой же, он все так же длится.
Тяжелый град, и снег, и мокрый гной
Пронизывают воздух непроглядный;
Земля смердит под жидкой пеленой...

Более того, открывающаяся картина полна не только движения, но и звуков, то есть она к тому же видима, но и слышима, даже осязаема. Так как герой и видит, и слышит, и практически осязает отовсюду вместе с самыми различными звуками, стонами отвратительные гнилостные, болотные

запахи, исходящие от заживо разлагающихся людей; он задыхается от опаленной огнем ада человеческой кожи:

И вот я начал различать неясный
И дальний стон; вот я пришел туда,
Где плач в меня ударил многогласный...
Взлетают крики, жалобы и пени...

Трехзевый Цербер, хищный и громадный,
Собачьим лаем лает на народ,
Который вязнет в этой топи смрадной.
Его глаза багровы, вздут живот,
Жир в черной бороде, когтисты руки;
Он мучит души, кожу с мясом рвет.
А те под ливнем воют, словно суки...

В этом плане «Комедию...» Данте можно назвать симфонией, где слышны шум ревущего моря и стоны грешников, орган и хоралы в «Чистилище», звон небесных сфер «Раю».

Произведение Данте являет собой пример глубокой лиричности, каждая строка и слово многозначительно, многообразно в передаче пронзительных человеческих чувств. Такой, к примеру, предстает песня пятой части «Ад», в которой герой узнает, что здесь мучимы те, кто предался сладостям любви. Эта песня одна из самых лиричных:

Любовь, любовь, велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что он со мной пребыл неразлучным.

Любовь на гибель нас вела...

**Как голуби на сладкий зов гнезда,
Несомые одной лишь волей страстной.
Раскинув крылья, мчатся без труда...**

Так и они, паря сквозь мрак ненастный...

**Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стена неся круг**

Теней, гонимых вьюгой необорной

Строки «Любовь, любовь, велящая любимым» навеяны современной поэзией, в частности отсылают к творениям Гвидо Гвиницелли о природе любви и возможностях «сладостного нового стиля» в поэзии воспеть ее. На современность же указывает и слова: «Как журавлиный клин» «круг теней». Это прекрасное образное выражение, возникшее именно в поэзии позднего средневековья на основе слияния разнообразных литературных течений – народной поэзии, клерикальной, рыцарской, светской литератур, влияния поэтов друг на друга. Так строка «Как голуби на сладкий зов гнезда» навеяно самим Вергилием, его поэтическим образом из «Энеиды», где сеть строки: «Только он это сказал, как две внезапно голубки // Прямо пред взором его, летя, появились с неба...». У Вергилия в строках через данный образ предстает нежность, спокойность, настоящая природа любви, тогда как у

Данте эти же образы трагические, печальные, обреченные на гибель. Оттого Данте заставляет встряхнуться, задуматься, встревожиться о мире. Тому подтверждением может служить дословно повторенная строка: «Как журавлиный клин» в чужие рубежи // на головах царей божественная пена // Куда плывете вы, когда бы не Елена, // Что Троя вам одна, ахейские мужи... (Осип Мандельштам).

Герой видит в пятой песне «Ада» тех, кто одновременно являлся при жизни и образцом абсолютной красоты, и примером глубокого падения человеческой природы. Это Елена Прекрасная, невольная виновница Троянской войны, Клеопатра, «грешная блудница». Парис, Тристан. Так Данте-герой узнает о том, что виной человека может быть и самое прекрасное чувство, но страстное, позволяющее терять человеку голову, а значит преступное чувство – любовь:

И понял я, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

Однако если данные герои были виновны в том, что полюбили, причиняя кому-то зло, то у героя по праву возник вопрос: а так ли преступна вообще любовь? Этот вопрос он задает двум теням, наиболее скорбно и вместе с тем с раскаянием несущих страдания в аду. Это тени молодых людей Паоло и Франчески. Глубокой чувственностью пронизаны строки печального повествования о любви героев:

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;

Одни мы были, был беспечен каждый.

**Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.**

**Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта.
Тот, с кем навек я скована терзаньем.**

**Поцеловал, дрожа мои уста,
И книга стала нашим Галеотом,
Никто из нас не дочитал листа.**

**Видя страдания теней, герой не может сдержать чувств, он
вместе с каждым грешником несет их тяжесть, разделяет их
грех, и за каждого готов молиться перед богом:**

**Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;**

И я упал, как падает мертвец...

**Автор, следуя средневековому роману в истории любви,
перерастает этот жанровый порог, представляя сложную гамму
человеческих чувств, картину борьбы человека с самим с собой
и главное то, что человек не в ладах с самим собой. А это есть
заключение в человеческой природе второго начала –
стихийного, или демонического. Не случайно герои спускаются**

в ад, к исполинской фигуре Люцифера как средоточию того зла, что заключается в душе каждого человека.

Следующий круг представляет нам грешников, в жизни отличавшихся чревоугодием. Страдания героя Чакко поражают героя Данте, но главное здесь не горестная судьба чревоугодника, которого до слез, до содрогания души жалко Данте-герою, а столько тот факт, что слова Чакко предвещают будущее. Помните, с какой целью античные герои спускались в мрачные просторы Аида? Для того, чтобы узнать будущее. В устах Чакко герой Данте это будущее узнает:

Чакко, слезы грудь мне жмут
Тоской о бедствии твоём загробном.
Но я прошу: скажи, к чему придут
Враждующие в городе усобном;
И кто в нём праведен; и в чём раздор
Зажжен в народе этом многозлобном?»

И он ответил: : «После долгих ссор
Прольется кровь и власть лесным доставит,
А их врагам – изгнанье и позор.
Когда же солнце трижды лик свой явит,
Они падут, а тем поможет встать
Рука того, кто в наши дни лукавит.
Они придавят их и будут знать,
Что вновь чело на долгий срок подъемлют,
Судив сраженным плакать и роптать.
Есть двое праведных, но им не внемлют.
Гордыня, зависть, алчность – вот в сердцах
Три жгучих искры, что вовек не дремлют»...

В данной песне Данте «играет» историческими событиями: Чакко рассказывает о событиях, которые должны произойти – они будут трагическими, страшными по размаху и разгулу человеческих преступлений. И именно это нужно было поэту Данте, для того чтобы мир очнулся, остановился в своих преступных свершениях. Оттого слова Чакко «пророчествуют», тогда как эти события в жизни самого поэта уже произошли: это 1303-1304 гг., когда власть во Флоренции перешла в руки белых гвельфов. Их в реальной действительности называли «лесными людьми» за деревенскую необразованность, излишнюю простоту, грубость в манерах и т.д. Фраза «Рука того, кто в наши дни лукавит» обличает священнослужителей, забывших о своем прямом долге. Перед нами предстает образ папы римского Бонифация VIII, который помогал Черным гвельфам завоевывать власть. Здесь не случайна отсылка к библии словами «Есть двое праведных, но им не внемлют....». По библейской притче в Содоме не нашлось третьего праведника, чтобы спасти город от гнева божьего, за что он и был разрушен. Можно предположить, что Данте уготовил подобную судьбу всем людям на земле за их преступления. Подобное предсказание мы находим и в десятой песне, где ее герой Фарината дельи Уберти будет говорить:

**Нам только даль отчетливо видна, -
Он отвечал, - как дальнотзорким людям;
Лишь эта ясность нам Вождем дана...**

Знание грядущего – это наказание грешникам за смуту настоящего, за их деяния в реальной действительности. Вслед

за Чакко Фарината предсказывает Данте изгнание. Главное здесь в том. Что Данте как поэту важно показать непримиримость политических врагов: Фарината – гибеллин, Данте-герой – гвельф. И даже здесь в аду разгораются не менее ожесточенные споры как самые настоящие междоусобные словесные войны о судьбе Флоренции, всей Италии, итальянском народе. Словесный «огонь» настолько яростен, что затмевает на некоторое время огонь ада. В песне пятнадцатой также встречаемся с пророчеством судьбы Данте. Это слова героя песни Брунетто:

Но этот злой народ неблагородный.
Пришедший древле с Фьезольских высот
И до сих пор горе и камню сродный,
За все добро врагом тебя сочтет...
Завистливый, надменный, жадный люд;
Общенье с ним тебя бы запятнало.
В обоих станах, увидав твой труд.
Тебя взалкают, только по-пустому...

Для поэта Данте здесь важна не его судьба, а сколько тот факт, что ни одна из партий не служит по-настоящему народу. А утопает в грязной, несправедливой междоусобной войне. Отсюда напрашивается вывод даже для самого поэта: политическая война далека от защиты человеческой жизни.

Своеобразная архитектоника ада представляет взору и разуму определенную задачу: чем ниже спускаются герои, тем глубже низость человеческих падений, но при этом больше страдают священнослужители, которым часто приходилось лгать, даря наивные мечтания или откровенно обманывая

свою паству; страдают обычные люди, совершившие этот же гнев, несут искупление политики, кто на деле поступал не так, как должно было, или целенаправленно избирал не тот путь, о котором ратовал сам же и т.д. При этом чаша весов склоняется не на чашу с насильниками, убийцами, грабителями – всеми теми, кто совершил настоящее преступление, а на сторону тех грешников, которые напрямую не совершили такого зла, а всего лишь обманули. Предали. И этот грех (почему-то) в сознании Данте оказывается тяжелее, тягостнее, требует большего раскаяния и искупления. Парадоксально на первый раз. Но с точки зрения Данте, этот грех – душевный, нравственный – страшнее, чем обыкновенное преступление (классификация грехов дана в песне 11).

В этом ряду нас несколько может «сбить с размышлений» песнь двадцать шестая, в которой казнятся самым настоящим огнем известные миру искатели правды и истины, среди которых мы вновь встречаемся с Улиссом (Одиссеей). Вина великого путешественника в том, что он:

... ни долг любви спокойный
Близ Пенелопы с радостным челом
Не возмогли смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор...

В духе средневековья нам представлена дуалистическая душа человека: с одной стороны жажда к стремленьям высоким – новая поступь к новым вершинам = возрожденческим, что передается строками:

О бартья, - так сказал я, - на закат

**Пришедшие дорогой моногтрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны.
Чтоб солнцу всле, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Нок доблести и к знанью рождены».**

С другой стороны, перед нами в данных словах веками сдерживаемая религией натура человека = ее гордыня, а возгордиться, возвыситься до божественного начала недопустимо, грешно.

Картину человеческих страданий – искуплений не случайно завершает страшная судьба гвельфа графа Уголино в песне тридцать третьей. Граф с детьми – со своими двумя сыновьями двумя внуками был заключен по приказу епископа Руджери в городскую башню. Все они умерли от голодной смерти, но дети раньше, а отец:

**Уже слепой, я щупал их с испугом.
Два дня звал мертвых с воплями тоски;
Но злей, чем горе, голод был недугом...**

**Тут он умолк и вновь, скосив зрачки,
Вцепился в жалкий череп, в кость вонзая
Как у собаки крепкие клыки.**

В облике и судьбе Уголино представлены два начала человеческой природы: + и – в человеке – это безмерная

любовь и безмерная ненависть, иначе бездна любви и бездна ненависти и греха.

Последняя песня тридцать четвертая венчает собой развитие средневековой философии, поисков человеком самого себя, выявление индивидуальности, освобожденной от истовой религиозной опеки. Это момент, когда герои оказываются у подножия ледяной глыбы Люцифера:

Учитель мой вперед меня подвинул,
Сказав: «Вот Дит, вот мы пришли туда.
Где надлежит, чтоб ты боязнь отринул».
Как холоден и слаб я стал тогда,
Не спрашивай, читатель; речь – убоже;
Писать о том не стоит и труда.
Я не был мертв, и жив я не был тоже...

Четко проявленная дуалистичность средневекового мышления, которая исходит от пробуждающегося сознания самого человека. Если человек увидел свои недостатки, он отталкивается от них по закону обратной пропорциональности.

Герой увидел три лица Люцифера: красное лицо – гнев, черное – зависть, бело-желтое – бессилие. В трех пастях демона зла заключены грешники, чья вина неискупима: это Иуда как предатель бога, Брут и Кассий как предатели государства и ее граждан. Они выступили против Цезаря и вероломно убили его. Страшнее их поступка нет. В то же время этот же символ (Люцифер) по закону обратной пропорциональности напоминает о священной троице, в которой сосредоточены вселенская любовь, могущество и доброта.

Таким образом, Данте оставляет надежду на возрождение человеческого разума. Мотивы античности, несшие в себе представления о гармонии человеческой личности, взрывали худосочную, аскетическую догматику религиозной ограниченности, ставили в центре эстетических эмоций всего человека, что дало этому историческому времени (Возрождению) название гуманизм.

Именно реабилитация человека, чья духовность была отчуждена от его земного бытия, возрождение его личности, интимно связанной с природой, чем был озабочен древний мир и что пытались не замечать середине века – оставили основной пафос поэтических поисков гуманизма в эпоху Возрождения.

Гуманизм Данте во многом подготовил новый расцвет литературы и творческой мысли человека в эпоху Возрождения.

В Германии эта эпоха названа реформацией, у французов – ренессансом, у итальянцев – чинквеченто. Начинается эта эпоха со второй половины XV века, когда «королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество... Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Это были люди, овеянные духом смелых искателей приключений» Ф.Энгельс.

